

Функции “нарцизма” рассказчика в построении романа
Томаса Манна “Признания авантюриста Феликса Круля”

Barabanova N.

Funktionen des „Narzissmus“ des Erzählers im Aufbau des Romans
von Th. Mann „Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull“

Die Untersuchung des Systems der Aussagesubjekte im Roman von Thomas Mann „Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull“ weist nach, daß die primäre Funktion der Hauptfigur im Werk nicht bloß in seinen Schelmereien, sondern in erster Linie im Erzählvorgang besteht. Sein „Narzissmus“ – (ein Terminus von Hans Wyslingist) ist nötig, um die Krull-Figur als Erzähler im Mittelpunkt der Darstellung in seiner ästhetischen Tätigkeit zu zeigen.

Появившиеся в последние годы две значительные книги о творчестве Томаса Манна – “Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Eine Biographie” Германа Курцке [1] и “Narzissmus und illusionäre Existenform” Ганса Вислинга [2] – могут внушать и, отчасти, внушают мысль о том, что творчество этого писателя мирового уровня связано в большей степени с самоизучением, самоописанием и самоизображением, что автоматически производит в некотором смысле отталкивающее впечатление. С одной стороны, приходится констатировать наличие стереотипа о творчестве художника как создании нового, “сотворении” не имеющего места в реальности художественного мира, с другой, возникает вопрос о том, так ли необходимо разрушать иллюзию художественного творчества и правильно ли низводить его до уровня решения внутренних психологических проблем биографического автора, продуктом психологической разрядки которого якобы и становятся, по мнению обоих немецких литературоведов, произведения Томаса Манна.²⁰ Нас интересует вопрос о нарциссизме главного героя и рассказчика Круля как вопрос о структурных особенностях последнего романа Томаса Манна “Признания авантюриста Феликса Круля” (1954). Что побуждает видеть в этом образе нарциссические черты, и для чего Томасу Манну был необходим

* Н.В.Барабанова, Самарский государственный университет
© Барабанова Н.В., 2003.

именно такой тип рассказчика? Для этого необходимо уяснить, что подразумевается под психоаналитическим термином “нарциссизм”.

Понятие “нарцизм” или “нарциссизм” как вид психического поведения, по данным Фрейда, возникло впервые в работах психоаналитика Абрагама (Abraham). Термин “нарцизм” был введен Гевелок Эллисом (Havelock Ellis) [3]. Фрейд определяет это явление следующим образом: „Либи́до сосредото́чилось на собственном “я”. Но так как “я” совсем не существует, то лучше сказать: “я” создается нарцисзмом, который возвышает и принижает его, смотря по количеству либи́до, остающегося для этого прозрачного объекта, объекта, состоящего, собственно, из комплекса восприятий, возведенных при посредстве либи́до в понятие “я”“[4].

Противоположностью нарцизма, которой мы только что коснулись, является идентификация с другой личностью. Нарциссизм, по Фрейду, противостоит социальным феноменам, то есть отношениям отдельного человека к другим людям, предмету любви и т.д. Эти социальные феномены, имеющие внешнюю направленность, Фрейд противопоставляет процессам, названным им “нарциссическими, при которых удовлетворение первичных позывов от влияния других лиц уклоняется или отказывается” [5. С.439.]. Фрейд косвенно противопоставляет нарциссизм стадному инстинкту, при пробуждении которого у индивида пропадает самостоятельность и инициатива, а его реакция становится однородной с реакцией всех других [5. С. 483.]. Объясняя состояние влюбленности,

²⁰ Эту же цель ставят перед собой и многие другие манноведы и успешно достигают ее: Юлия Шёлль, подробно и точно прослеживая литературную аллюзию между двумя любовными трагическими конфликтами Пентеселея – Ахилл у Клейста и Мут-эм-энет – Иосиф у Томаса Манна, истолковывает обе трагические развязки как выражение неудовлетворенной гомосексуальной страсти авторов, которая изображается в женских образах, также обреченных на неутоленную любовную тоску. См. J. Schöll: *Pentesilea und Mut-em-enet. Tod und Eros bei Heinrich von Kleist und Thomas Mann // Buchpersonen, Büchermenschen / Hrsg. von G.Schury und M.Götze. Würzburg, 2001.* Вольф Гюнтер Реннер концентрирует внимание на единстве всего творчества Т.Манна с точки зрения психоаналитических теорий. См.: R.G.Renner: *Lebens-Werk. Zum inneren Zusammenhang der Texte von Thomas Mann. Frankfurt / Main, 1985.*

Фрейд пишет, что “при влюбленности большая часть нарциссического либидо перетекает на объект” и объект служит тогда заменой собственного “Я-идеала”. [...] Его любят за совершенства, которых хотелось достигнуть в собственном “Я” и которые этим окольным путем хотят приобрести для удовлетворения собственного нарциссизма” [5. С. 479.]. В дальнейшем “Я” делается все скромнее, а “объект все великолепнее и ценнее; в конце концов, он делается частью общего себялюбия “Я”, и самопожертвование этого “Я” представляется естественным следствием. Объект, так сказать, поглотил “Я” [5. С. 479.]. При этом наблюдаются черты смирения, ограничение нарциссизма. Заслуга Фрейда в том, что он снимает разграничение между *обогащением* “Я” качествами объекта, и заменой объектом главной составной части “Я”, то есть *обеднением* “Я”. Здесь имеется другая альтернатива: объект становится на место “Я” или “Я-идеала”. Фрейд, таким образом, перефразирует свои собственные слова, приведенные выше, о том, что “Я” совсем не существует, “Я” создается нарциссизмом под влиянием объекта. То есть “Я” - пустая, нереализованная потенция, которая приобретает определенную форму и содержание через соприкосновение с объектом.

Понятие “нарциссизм” по отношению к главному герою и рассказчику романа Т.Манна “Признания авантюриста Феликса Круля”, ввел немецкий литературовед Ганс Вислинг в 1978 году [6]. Тема исследования и термин были подхвачены и в 1985 году. Рольф Гюнтер Реннер ставит задачу рассмотреть взаимосвязь литературной продукции, куда он относит как художественные тексты, так и документальные источники, с развитием Я писателя в непрерывности этого процесса на основе доступных психоаналитических теорий, используя творчество Т. Манна в качестве образца для применения психоаналитических посылок Фрейда, Юнга, Лакана и других. С одной стороны, автор рассматривает непрерывность как основное качество процесса развития Я, с другой, одновременность развития нарциссизма и объектно направленной любви, а также роль разветвления самого нарциссизма, представления о воображаемом себе и идеализированном представлении о родителях. Опираясь на самоанализ писателя, который Р.Г.Реннер полагает и выявляет в эссеистических и художественных текстах Т.Манна, он

устанавливает постоянно возобновляющееся движение: переход от симбиоза к индивидуации в развитии писательского «Я» [7].

В более поздней работе „Narzissmus und illusionare Existenzform“ Г. Вислинг анализирует этапы работы над романом, и уделяет большое внимание сказочно-мифологическим основам в создании образа Феликса Круля и работе Т. Манна по собиранию материала для “оживления” своего героя. Большая заслуга Г. Вислинга в том, что в своем анализе он опирается на архивные документы, рабочие записи Т. Манна, письма, планы, пробы, схемы, содержащие фактический материал, собранный Т. Манном для создания произведения, но большей частью так и не вошедший в текст романа ни в прямом, ни в переработанном виде. Г. Вислинг публикует достаточно полные архивные материалы, касающиеся работы над романом, с начала 1905 г., когда у Т. Манна возникли первые идеи воплотить психологию художника в образе авантюриста [8] по апрель 1954 г., когда по настоянию дочери Эрики в опубликованный в первом издании роман были вновь внесены изменения²¹.

Труд Г. Вислинга содержит огромный фактографический и автобиографический материал, объясняет историю “рождения” отдельных сцен романа, накопление Т. Манном материала, частично вошедшего в текст романа. Однако фактографичность можно было бы отнести и к слабым сторонам обширной монографии. По мнению Вислинга, Круль – преступник, наделенный многими чертами художника, преступления и проделки которого не имеют реальных последствий благодаря тому, что сам Круль помещен в сказочное пространство и живет по законам сказки. Его нарциссизм имеет нереальные, фантастические и сказочно-мифологические основания, только поэтому и становится возможным создание такого комично-нарциссического образа.²² Образ Круля рассматривается при этом исключительно как образ героя романа, как персонаж авантюрного жанра, который действует по модели сказочно-

²¹ Эта глава была впервые опубликована лишь в апрельском номере журнала „Neue Rundschau“ за 1957 г. В новой редакции любовные отношения между Крулем и мисс Твентимен, как и планировалось первоначально, были разделены на две любовные пары: Круль – мисс Твентимен и Круль – лорд Кильмарнок.

авантюрного сюжета и демонстрирует своим существованием психоаналитическое учение Фрейда, Юнга и Кереня о проблемах нарциссизма. Таким образом, Г. Вислинг уходит достаточно далеко от текста романа и не упоминает о значении Круля в роли рассказчика от первого лица, основная роль которого в тексте заключается в определенном видении и подаче, структурировании, реализации субъективно окрашенного повествования о “личном” фиктивном опыте.

Интересно, что Томас Манн в архивных документах, опубликованных самим же Г. Вислингом [9], ни на одном из этапов работы по созданию Феликса Круля не указывает ни на сказочно-мифологические основания создания этого образа, ни на свое желание изобразить фигуру нарциссического типа. В наших интересах поэтому пересмотреть, не приписывается ли герою романа то, на что авторская интенция не претендовала.

Начать следует с того, что Круль реализует себя как герой романа только через его же функции рассказчика. Значит, и пресловутый нарциссизм Круля, правдоподобность и ирреальность его приключений может проглядывать лишь через его функции рассказчика.²³ Это автоматически вносит элемент недоверия в нарциссизм, понятый буквально и заимствованный как феномен из греческой мифологии. В “Метаморфозах” Овидий рассказывает о прекрасном юноше по имени Нарцисс, который пробуждал пылкие чувства как у женщин, так и у мужчин, но отвергал притязания всех, воспылавших к нему любовью. Последней его жертвой оказалась лесная нимфа Эхо. Богиня возмездия Неметида вняла мольбам тех, кого он отверг: “Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым” [10], и

²² См. главы: „Krull als ‘Künstler-Kind’ S.67-151, „Travestie und Parodie“ S.152-187, „Krull als Hermeskind“. S.254-269. В кн.: Н. Wysling: Narzissmus und illusionare Existenzform.

²³ В письме дочери писателя Эрики к Т. Манну, приведенном Г. Вислингом в книге полностью, есть скудное указание на это обстоятельство, которое сам исследователь не учитывает в своем анализе: „Ein paarmal mag ich Dir „pedantisch“ vorkommen, als ich Kleinigkeiten als „unmöglich“ oder „unglaubwürdig“ oder doch unerklärt“ beanstande, während das Ganze, die Fiktion, *es habe ein Krull genau dieses Buch geschrieben*, (курсив – Н.Б.) doch keinerlei Anspruch erhebt auf Realismus und Glaubwürdigkeit“. В кн.: Н. Wysling: Narzissmus und illusionare Existenzform. S.522.

заставила его полюбить собственное отражение в воде. Нарцисс умер от неразделенной страсти к самому себе, любовного томления и безутешного горя, так как не смог обладать объектом своей любви. На месте же его гибели появился цветок с белыми лепестками.

С мифологическим героем Круля роднит дар пробуждать любовь и симпатию, амбивалентная направленность излучаемого притяжения: к нему тянутся как женщины, так и мужчины. Более существенны, однако, различия между ним и героем Овидия. Круль не менее благорасположен к миру, чем к самому себе, он сожалеет о том, что не может открыться в своих чувствах другим героям романа. Те, кому он не смог ответить взаимностью, не одерживают над ним верх. И там, и тут повторяется маятникообразная модель взаимодействия между субъектами: поиск основания для себя в другом и возвращение к осознанию Я, которое оказывается недостаточным и ведет или к смерти, или к поиску себя в другом.

В рассказчике Круле можно увидеть также много черт, связывающих этот образ с понятиям нарциссизма в психоанализе. Однако следует подчеркнуть, что во время начального этапа работы, именно тогда, когда создавался образ Круля с наиболее ярко выраженными нарциссическими свойствами, основной труд Фрейда по этой тематике еще не вышел и был Т.Манну не знаком²⁴. Знания о нарцисизме, свойственном для художника, Т.Манн большей частью черпал из опыта самонаблюдения с опорой на труды Ницше [11], Шопенгауэра [12] и Ломброзо [13]. В данной работе мы считаем невозможным проследить взаимосвязанное влияние трех мыслителей на создание нарциссически-художественного образа Круля²⁵.

Как рассказчик от первого лица Круль начинает организовывать повествование с первой же фразы вокруг себя. На первой странице он в определенной степени нагнетает самоцентрирование и субъективность, хотя говорит при этом о своей покинутости и удаленности от мира и общества, одно обуславливает другое и вызывает тоску по отнятому: „Indem ich die Feder ergreife, um in völliger Muße und Zurückgezogenheit – gesund übrigens, wenn auch

²⁴ Книга З.Фрейда “Einführung zum Narzissmus” появилась лишь в 1927 году, когда первая часть романа, наиболее отмеченная чертами нарциссизма, была завершена и частично опубликована.

müde (so daß ich wohl nur in kleinen Etappen und unter häufigem Ausruhen werde vorwärtsschreiten können), indem ich mich so anschicke, meine Gedächtnisse in der sauberen und gefälligen Handschrift, die mir eigen ist, dem geduldigen Papier anzuvertrauen, beschleicht mich..." [14. C.5]. Ограничившись приведением в качестве примера этого небольшого отрывка из начала романа, скажем, что в первых трех предложениях произведения, занимающих почти страницу, личное местоимение первого лица встречается десять раз, не говоря уже о притяжательном и возвратном местоимении первого лица. И если в качестве сравнения взять автобиографическое сочинение Гете "Dichtung und Wahrheit", послужившее, как известно, наряду с другими романами, написанными в форме автобиографий или признаний образцом, от которого отталкивался Т. Манн, то можно констатировать, что на первой странице романа Гете, не считая вступления, где обосновывается это предприятие, в первых восьми предложениях форма личного местоимения первого лица употреблена лишь пять раз. После короткого вступления Гете переходит к обобщающей форме "мы". Достойны наблюдения и различия в объектах речи выше обозначенных отрезков текста в автобиографии Гете и стилизованной автобиографии Круля. Если Гете наполняет место и время действия их реальными величинами, а затем расширяет свою перспективу видения до размеров солнечной системы с расположением ее планет, говорит об их воздействии на всю его жизнь, задавая обширный временной масштаб повествования, а вслед за этим упоминает решение деда, имевшее положительное последствие для многих поколений горожан, и вводит тем самым широкий общественно-социальный фон жизни в свое повествование [15], и лишь затем поворачивает рассказ в лоно семьи, то у рассказчика Круля объект повествования и перспектива видения имеют качественно другую характеристику. Объектом его описания является собственная персона, усилия, необходимые для осуществления повествования о себе, требующиеся для этого способности и условия, а затем его близкие родственники. Перспектива видения рассказчика Круля предельно сужена, для этого даны и объяснения, которые разносят предельно далеко друг

²⁵ Отдельного рассмотрения заслуживает еще не поднимавшийся вопрос об изменении восприятия каждого из этих мыслителей Т. Манном в течение жизни и по мере создания "Признаний", романа, работа над которым продолжалась 50 лет.

от друга сознание автора и рассказчика. Из заявленного «Я» как субъекта повествования это «Я» тут же переходит в объектную форму (“Indem ich die Feder ergreife...”), в то время как у Гете “Я” остается долгое время субъектом речи, а не ее объектом. Само “Я” в “Признаниях”, как только оно всплывает в тексте, несет в себе преломление отношения и к себе, и к миру. Формально-субъектная конструкция, названная местоимением Я, выступает как объект наблюдения и описания. “Я” Круля – это конструкция, которая со второго слова романа становится объектом авторского сознания и объектом для читателя. Саму форму от первого лица в информативном плане можно считать условной: ее легко можно заменить местоимением “он”. Однако именно форма от первого лица принципиально важна для автора. Автор работает с конструкцией “Я”, с личностным, реально-ощутимым “Я”, постоянно сталкивающимся с проблемой идентичности. Именно эта конструкция оперирует сознанием читателя, перенося его по наикратчайшему пути внутрь художественного образа “Я”. Для читателя, как и для автора, это наиболее уязвимая форма, требующая чуткости и повышенной активности саморефлексии, так как автоматически “Я” рассказчика становится через *имплицитного читателя* (термин Изера) и собственным “Я” реального читателя благодаря готовности к идентификации с “Я” рассказчика.

Вместе с этим уже в самом начале романа возникает двойная перспектива: изнутри образа “Я” и снаружи, с точки зрения автора. Круль внимателен к своему самочувствию, испытывает к себе жалость, осознает важность своих признаний. Автор наблюдает за жалобами, приступами самовосхваления и самоуничтожения рассказчика. Он допускает такое поведение, это колебание между двумя полюсами – предельным плюсом и предельным минусом – в поисках самоидентичности. Задача автора – показать эти поиски, он позволяет рассказчику осуществлять поиск “Я”, точнее, поиск идентификации для “Я” на глазах у читателя, относится к нему снисходительно, не вставая на точку зрения рассказчика, так как иначе произошла бы идентификация автора с рассказчиком, и это был бы уже автор, ищущий свое “Я”. Автор при этом и не поддерживает рассказчика. Он будто считает, что пишущий субъект действительно может испытывать сомнения, неуверенность, терзания своей неполноценностью и может пытаться убеждать себя в обратном. И все же голос терзаний по поводу собственного “Я” не может быть голосом автора в позднем творчестве Томаса Манна.²⁶

Автора интересует теперь не проблема собственной идентификации, собственной слабости, наивности или незадачливости, которую он себе не может позволить, он не выводит на первый план проблему собственной коммуникации с читателем, а строит свое повествование на принципиально другом уровне. Его интересует художественная проблема создания конструкта “Я”, проблема субъекта, как обойтись со своим “Я”, где найти ему основание, как можно найти себя, находясь всегда лишь в поисках другого. Будто уверовав словам Ницше, автор сам не желает говорить о своем авторском “Я”: „Man empfindet seine [des Genius] Leiden ubertrieben, weil der Ton seiner Klage lauter, sein Mund beredter ist; und mitunter sind seine Leiden wirklich sehr groß, aber nur deshalb, weil sein Ehrgeiz, sein Neid so groß ist. [...] Ist es nicht fast geboten, mißtrauisch gegen alle zu sein, welche von Empfindungen dieser Art bei sich reden?“ [11, S.157]. “Признания” на внесубъектном уровне, как произведение, наследующее традиции плутовского романа, реализуют отношение художника к своему страданию и возможное отношение общества к нему так, как это понимал Ницше. Художник исполнен страданием и трагической скорбью, так как радость, которую он хочет приносить, не может быть воспринята обществом во всей полноте. Но страдания его благодаря его же таланту ощущаются преувеличенными и не заслуживают доверия.

Рассказчик Круль, как и повествователь “Йозефа”, сохраняет нарциссическую претензию на повествование и повествуемое и концентрируется на переходе к телесности, осязаемости самого языка. Под “нарциссической претензией” мы понимаем его самоуверенную позицию в отношении повествования. Он утверждает себя исключительно в этой деятельности. Но без уверенного и решительного отношения к создаваемому невозможно творческая деятельность. Его самовосхваление осуществляется на фоне сомнения и возможного неприятия его врожденных заслуг со стороны общества. В языке Круля намечено несоответствие между тем, что подлежит, по его мнению, безоговорочному признанию и теми явлениями в его воспитании, которые с точки зрения здравомыслящего бюргерства относятся к явно недостающим у него сторонам – полноценное образование, солидность в семейном укладе жизни, его благонадежность как члена общества. Сюда же относится

²⁶ В “Тонио Крегере”, одной из ранних новелл Т.Манна, происходит подобное слияние.

недопустимо плохое качество производимой продукции на отцовской фабрике и чрезмерная забота о внешнем лоске, банкротство и самоубийство отца, бедность, связь с проституткой, обман властей из-за нежелания служить государству в армии, воровство, продажа краденного и так далее вплоть до заключения в тюрьму. Однако, говоря об этих не красящих его явлениях, Круль идентифицирует себя в речи не с самими непристойными сторонами его фиктивного бытия, хотя объекты его повествования помогают читателю идентифицировать Круля как плута и проныру. В своем рассказе Круль находит каждый раз другое сознание, носителем которого часто является фиктивный читатель. На этот конструкт другого сознания Круль и возлагает надежды в гуманности и непредвзятости по отношению к нему. Фиктивный читатель отделяется Крулем от закостенелого бюргерства и составляет якобы лучшую часть его. При этом Круль не упускает случая поиздеваться и пошутить над фиктивным читателем, поставить его, слишком доверчивого и податливого влиянию рассказчика, в дурацкое положение. Концептированный читатель, конструируемый автором, вдоволь повеселившись и над проходимцем-рассказчиком, и над фиктивным читателем неизбежно сталкивается с проблемой суггестивности реального читателя, с его готовностью обмануться в процессе воспроизведения своей собственной самоидентичности при чтении художественного текста.

Повествующее “Я” обнаруживает себя как пустая форма, потенциально готовая соприкоснуться с любой действительностью. Это “Я” рассказчика обретает постепенно черты через контакт с фиктивным миром, и другими “Я” этого мира. Это “Я” всегда открыто и принципиально ненаполняемо, незавершимо, этому тождествен открытый конец романа. “Я” как образ возникает через соприкосновение с другими образами и продолжает существование в непрерывной дальнейшей детерминации через контакты и идентификации.²⁷ Центральное место в процессе образования Я-идентичности (самоидентичности) занимают межперсональные связи: “Ich-Identität bildet sich durch die wechselseitige Übernahme von Rollen, Perspektiven und “Metaperspektiven” in interpersonellen Wahrnehmungsprozessen aus” [16]. Роман Томаса Манна воссоздает эту взаимосвязь в эстетической игре с различными образцами восприятия и образными частичными идентификациями. Это становится конститутивным элементом в структуре персонажей и действий.

Поиск форм идентичности тесно соприкасает Круля с образом нарцисса, однако не следует упрощенно относиться к этому феномену как к эгоизму или эгоцентричности. Ведь с точки зрения проблемы идентичности нельзя ответить на вопрос о том, что воспроизводится в романе в большей степени: преимущественно представления автора о мире или преимущественно самосознание автора. Такая постановка вопроса в связи с проблемой идентичности Я теряет всякий смысл, так как представления автора о мире и выражают его самосознание, а картина мира, которая воссоздается в его произведении является тогда тем другим, от которого отталкивается и через которое он идентифицирует себя как художник. Правильнее было бы говорить, возможно, о том, что одно может быть выявлено только через другое. Так же и рассказчика Круля мы выявляем через отношение его к себе и миру, частью которого он является.

Можно было бы утверждать, что он любит себя: “Ich aber besaß seidenweiches Haar, wie man es nur selten beim männlichen Geschlechte findet, und welches, da es blond war, zusammen mit graublauen Augen einen fesselnden Gegensatz zu der goldigen Bräune meiner Haut bildete” [14. С.12]. “Meine Hände, auf die ich frühe ach hatte, waren, ohne überschmal zu sein, angenehm im Charakter, niemals schweißig, sondern mäßig warm, trocken, mit geschmackvoll geformten Fingernägeln versehen und sich selbst ein Wohlgefallen; und meine Stimme hatte [...] etwas Schmeichelhaftes für das Ohr” [14. С.12-13]. Но стоит заметить, что внешность Круля относится уже к миру самого романа. Он говорит о вещах, например, голосе, которые он как субъект в принципе не мог пережить так, как он их описывает. Наравне с другими образами он мог бы быть и некрасив собой, каким, по его словам, был артист Мюллер-Розе. В задачи этого персонажа входит выявить себя как образ рассказчика от первого лица, поэтому он пишет о себе. Кроме этого он идентифицируется с эстетической привлекательностью, с идеей красоты, носителем красоты и порождающим ее

²⁷ Автор книги „Das perspektivierte Ich“ права, когда понимает под идентификацией «Я» образование межперсональных связей. Отношение к явлениям культуры, образам, предметам лишь замещает отношение к лицам или группам лиц, так или иначе связанным с этими явлениями. Все они, по ее мнению, выполняют определенные роли и образуют перспективы отношений. Baumgartel, Bettina. Das perspektivierte Ich. Würzburg. Königshausen @ Neumann. 2000.

субъектом, даже если эстетическое не имеет никакого отношения к реальности, или скорее именно потому, что то, что служит эстетическому наслаждению, не имеет отношения к серости обыденной жизни. Кроме этого вся внешняя привлекательность Круля сама по себе, по его мнению, ничего не значит. Она не имеет самооценности в ее телесном выражении и может обрести какое-либо значение лишь в применении ее в определенных целях, в преломлении согласно индивидуальным целям: „Solche persönlichen Vorzüge sind meistens unwägbar Dinge, die nur in ihren Wirkungen zu bestimmen sind und selbst bei hervorragendem Geschick nur schwer in Worte zu fassen sind“ [14. С.13]. То есть внешняя привлекательность Круля не имела бы никакого значения, и воздействие ее было бы весьма сомнительным, если бы она не была выявлена с помощью слова. А для этого необходимо приложить особые усилия. Нельзя не заметить, что в плане содержания это утверждение Круля о своей личной внешней форме и о своей телесности, то есть о том, чем рассказчик Круль располагает как материалом, из которого он должен творить свой собственный образ, создавая роман о себе, имеет общее основания с репликой образа Гете из романа “Лотта в Веймаре”: “Was ist auch Stoff? Stoff liegt auf der Straße. Nehmt ihn euch, Kinder,…” [17] То есть Круль признает, что то, чем он обладает, само по себе не имеет особого достоинства, что его внешние качества, которые он с таким удовольствием описывает, ничего не значат до тех пор, пока она не воспеты в слове. Понятия красоты, поэзии, эстетизма определяют его отношения к объектам действительности. Но красота и поэтичность не покоятся в самих вещах, их необходимо пробудить поэтическим словом о них. Эстетичность явлений полностью находится во власти субъекта, и если красота вещей и людей была им открыта, то в этом полностью его заслуга. Субъект речи Круль оказывается благодатен тем, что способен обнаруживать красоту во многих объектах, попадающих в поле его рефлексии. Его личные внешние преимущества маловесны и их воздействие на мир осуществляется через повествование. Свою фиктивную красоту он подчиняет страстному желанию мира быть обманутым. В этом Томас Манн вновь опирается на идеи Ницше: “... und das Leben ist nun einmal nicht von der Moral ausgedacht: es will Täuschung, es lebt von der Täuschung“ [11. С.5]. Обман, о котором говорит Ф.Ницше, следует понимать, видимо, как

начальную и конечную пустоту Я, которое непрерывно, но всегда лишь на время достигает своей обманчивой идентификации с другим и тем самым пытается познать себя. Оно открывает себя при этом каждый раз как не то, как вновь другое, но пока оно существует как “Я”, этот конструкт обладает качествами круговорота и воспринимает себя вновь через другого. С этой точки зрения нарциссизм недоступен Крулю, так как он подразумевает уклонение субъекта от влияния других лиц.

У этого вопроса есть другая сторона: возможен ли нарциссизм в повествовательной деятельности, если уклонение от влияния других лиц, подразумевающее, напротив, создание образа другого, а не себя, объективированного другим, так или иначе все равно связано с идентификацией и опорой на другого.

Вернер Фритцен утверждает, что “мир делает в большей степени все для того, чтобы усилить самовлюбленность Круля. В качестве любимого, а не любящего он наслаждается свободой чувств самодостаточности” [18]. Этому положению необходимо возразить, так как оно не учитывает внесубъектный уровень структуры повествования. Круль как рассказчик изображает мир таким, что будто бы он податлив воздействию его привлекательности. При этом он не оставляет без внимания и свои усилия для того, чтобы добиться возникновения ощущения изящности, проворности, утонченности и виртуозности. Круль создает роман о себе после того, как был полностью развенчан миром. Описание этой стороны и этого этапа его жизни почти полностью изъято из повествования, но и однозначного упоминания этого факта достаточно для того, чтобы убедиться в амбивалентном отношении мира к Крулю, которое не ограничилось миролюбием общества по отношению к нему, а дает нам основания для попытки показать более сложную организацию отношений между рассказчиком и миром.

Общество его отвергло, наказало, свергло власть его красоты и очарования, отреклось от него. Но Круль продолжает живописать себя в этом мире и сам мир, давая возможность насладиться созданием его рук. Круль объясняет мотивы своей повествовательной деятельности по-разному: в начале романа это – желание “доверить терпеливой бумаге” свои признания, слушатель при этом как бы не подразумевается, однако здесь же он указывает на свои сомнения в том, удастся ли ему успешно

завершить задуманное. Из этого можно сделать вывод, что рассказчику Крулю не слишком уж безразличен результат повествования. Крулю важно указать, что он совершенно свободен в своих действиях, внутренне независим от общества, но и равнодушен к его оценке. Правдивость изложения – это единственный принцип, которого он готов придерживаться, мораль и стыд перед лицом общества не имеют к правдивости никакого отношения: “Übrigens bin ich entschlossen, bei meinen Aufzeichnungen mit dem vollendesten Freimut vorzugehen und weder den Vorwurf der Eitelkeit noch den der Schamlosigkeit dabei zu scheuen. Welcher moralische Wert und Sinn wäre auch wohl Bekenntnissen zuzusprechen, die unter einem anderen Gesichtspunkt als demjenigen der Wahrhaftigkeit abgefaßt wären!” [14. С.6]. Можно утверждать, что и здесь Томас Манн полемизирует с идеями Ф.Ницше о главенстве жизни и правды над моралью и над понятиями добра и зла. В идеологическом плане роман Томаса Манна преодолевает узость позиции философа. Художник иронизирует над ней в начале романа, что утверждает противоположное понимание принципов отношения к миру. Свою гуманную позицию, не отвергающую этический аспект отношения к действительности, но ставящий под вопрос ее вызывающе-осуждающий характер и тем самым ограничивающий главенство этического, Томас Манн вкладывает в учение профессора Кукука о “всесимпатии”. Значение этического взгляда на действительность состоит в том, что оно предполагает для художника, в первую очередь, понимание, а не деятельное или карающее вмешательство. Это подчеркивается рассказчиком, который утверждает, что в свою характеристику “звездных” глаз („Sternenaugen“) профессора он вкладывает не эстетическую, а этическую оценку [14. С.254].

Круль выставляет себя напоказ, обещает честолобивые саморазоблачения, щекотливые и бередящие моральные нравы внутренние переживания, описывая которые он не хочет ориентироваться на общество, но в то же время он заранее приносит свои извинения перед фиктивным читателем, пытаясь оправдать себя за свое “бесстыдство”. Таков Круль в начале романа, когда он пытается завоевать снисходительное внимание публики. Уже во второй книге рассказчик Круль посвящает всю первую главу непосредственно обращению к читателю: “Denn obgleich ich auf den vorstehenden Seiten mehrfach versichert habe, dass ich diese Denkwürdigkeiten hauptsächlich und in erster Linie zu meiner eigenen Unterhaltung aufzeichne, so will ich nun auch in diesem

Betreff der Wahrheit die Ehre geben und freimütig eingestehen, dass ich insgeheim und gleichsam aus dem Augenwinkel beim Schreiben doch auch der lesenden Welt einige Rücksicht zuwende und ohne die stärkende Hoffnung auf ihre Teilnahme, ihren Beifall, wahrscheinlich nicht einmal die Beharrlichkeit besessen haben würde, meine Arbeit nur bis zum gegenwärtigen Punkten zu fördern"[14. С.58]. Круль признается в том, что лишь надежда на то, что труд его будет востребован, каким наивным ни казался бы нам читатель, на которого рассчитывает Круль, надежда дает ему силы работать.

Отношения Круля с другими персонажами не позволяют нам обвинить его в эгоизме или в том, что другие вынуждены приносить себя ему в жертву, как это считает В.Фритцен [18. С.53]. В ряду жертв Круля он видит прежде других лорда Кильмарнока и мисс Твентимен. Углубляясь в текст романа, мы видим, что к обоим героям своего мира Круль проявляет сострадание, жалеет их, но не соглашается свернуть с предназначенного ему пути. Это не просто ситуация Нарцисса, отвергающего любовь других. У Круля имеются собственные цели, планы, представление о своем предназначении, которое он ставит выше чувств других героев и выше своих собственных чувств. Заметим сразу, что путь этот ведет в конечном итоге к фиктивному написанию автобиографического романа. Обоих персонажей, претендующий на обладание объектом своей страсти, рассказчик обвиняет в изрядном эгоизме [14. С. 212, 214], так как каждый из них не учитывает ни интересы объекта своей любви, ни сложившихся в обществе норм, которые делают дальнейшее развитие их отношений весьма сомнительными. И мисс Твентимен, и лорда Кильмарнок мы бы отнесли к персонажам, функции которых заключаются в проверке избранничества Круля, в его пригодности к внутреннему отшельничеству художника. Он соболезнует мисс Твентимен, внимательно относится к лорду Килмарнок, в его отказе проявляет себя уважение, выраженное в благодарной памяти его напутствиям.

Нарциссизм Круля становится предпосылкой дистанцированности автора. Автор наблюдает за самолюбованием Круля, объектом авторского слова является здесь жеманное, самодовольное слово Круля, направленное на самого себя. Слово Круля обладает преимуществом прямой оценки, однако оценка его снисходительна к собственным недостаткам и завышена к своим достоинствам. Рассказчик с уверенностью заявляет, что у него "четкий, красивый почерк", однако его одолевают лишь

“незначительные сомнения” по поводу того, дорос ли он до того, чтобы осуществить задуманное. Нарциссизм становится видимым из-за предоставленной автором возможности взглянуть со стороны, из двойной перспективы на точку зрения рассказчика по отношению к самому себе.

“Страдание Нарцисса от его несовершенства для Круля не является проблемой” [18. С.46] : “Das Leiden des Narziss an seiner Unvollkommenheit ist kein Problem für Krull.“], - пишет Ф.Вернер. Следует пояснить, что Нарциссу знакомо лишь одно собственное несовершенство – невозможность стать осязаемым объектом для самого себя, невозможность любить образ себя в другом объекте. Круль в роли рассказчика прекрасно выходит из ситуации своего несовершенства. Автор помещает образ авантюриста в структуру повествования и наделяет его ролью рассказчика, то есть организатора повествования. Если бы автором была избрана форма повествования от третьего лица, то проблема нарциссизма отпала бы сама собой. Лишь часто используемый вектор направленности его речи на самого себя ставит нас перед подобным умозаключением. Однако если вспомнить, что существует еще один, не менее важный аспект повествования, а именно, авторское повествование, то нарциссизм Круля приобретает в наших глазах некоторую относительность как негативное явление. Он имеет смысловую полноту: Круль – это повествователь, любовно относящийся к миру и к себе. Его любовь к миру открывает ему дорогу в мир повествования. Автор – повествовательная инстанция более высокого ранга – позволяет рассказчику писать книгу о своих отношениях с миром и своих эмоциональных состояниях во время вхождения в различные роли и образы. Для этого необходим субъект речи, который как литературный образ был бы в состоянии владеть литературным слогом. Он должен оправдать и объяснить свою талантливость, как свои неотъемлемые качества, характеризующие его суть, внутренне присущие ему, над которыми он не властен, он должен быть способен к богатым и полноценным переживаниям, которые могут составить основу его повествования.

Проблема повествования ставится, так или иначе, во всех произведениях большого жанра Томаса Манна. Но нигде она не преломляется с подобной интенсивностью в форме от первого лица. Из этого факта исходит эффект нарциссизма Круля. Повествователь в “Иосифе и его братьях” точно также озабочен проблемой правдоподобности излагаемого для читателя,

достоверности и точности воссоздания “буквы предания”, увлекательностью повествования, только он воспекает чужую телесность, божественный – стало быть, чужой – промысел, красоту и сложность оборотов речи библейских героев. Если предположить, что Иосиф мог бы повествовать сам о себе, то его образ по структуре построения в некоторой степени приблизился бы к образу Круля. В тексте “Иосифа” заостряется внимание на том, что он осознавал преступную нескромность своего поведения, безответственность и опасность очарованности самим собой и уверенности, свойственной в большой степени также и Крулю, что другие его любят больше своей жизни. Он наслаждался своим избранничеством, в основе которого лежало своеволие чувства, а не дань справедливости. Богоизбранность Иакова, его отца, Рахили, его матери, и самого Иосифа не служат им препятствием для того, чтобы совершать мелкие проделки, лицемерить, хитрить и т.д. При этом Томас Манн не ставил перед собой задачу обличить в этих образах их преступные склонности. В “Круле” он пытался выявить особенности искусства, или феномена художника в сфере преступности. Выясняется, что искусство в сфере преступности от него же в сфере избранности отличается во многом формой повествования от первого лица.

Любовь к себе можно назвать началом культурного действия, достижения культуры. Это требует объяснений, так как любовь к себе в форме эгоизма или себялюбия необязательно должны вести к каким-либо последствиям, выводящим человека на более высокую ступень деятельности и возвышающими его над биологическими основами бытия. От других героев Круля отличает не любовь к себе в самом общем смысле этого слова; она-то как раз присуща другим персонажам: мисс Твентимен, лорду Килмарнок²⁸, которые испытывают симпатии к Крулю, готовы отдаться своей страсти, а главное, завладеть объектом любви, присвоив ее себе как некую собственность. Нарциссизм Круля имеет особое свойство. Его влюбленность в себя является продолжением его влюбленности в мир, или, наоборот, оборотной стороной самовлюбленности является его восторженное отношение к окружающему миру. Его внимание к себе оборачивается вниманием к окружающей действительности. А полнота понимания своих интенций, эмоций, ощущений становится необходимым условием восприимчивости к мотивам действий и чувствам других. Эгоцентризм Круля является,

таким образом, универсальной формой эгоцентризма любого познающего субъекта. В случае Круля он в большей степени окрашен эстетическим или эстетизирующим взглядом на мир. Кроме этого любовь к себе предполагает объективацию себя, активизацию рефлексии по отношению к себе, проецировании на себя оценивающего взгляда со стороны потенциально возможного Другого. В этом и заключается культурный акт, воспроизводимый в образе рассказчика от первого лица в “Признаниях”.

Круль верит в неизбежность осуществления его притязаний на любовь и порождает любовь посредством форм своего поведения. Он достоин любви, так как владеет искусством возбуждать это чувство в людях. А его нарциссическая убежденность, что каждый должен его любить больше, чем самого себя, имеет один аспект, о котором замалчивается: в сознании Круля существует представление о том, что каждый может любить другого больше, чем самого себя. То есть он верит в то, что каждый человек в состоянии отречься от себя во имя любви. Это познание не может быть дано никому иначе, кроме как через собственный опыт чувств, то есть в его опыте имеется представление о возможности любить другого, больше самого себя. Но об этой любви невозможно писать, не преломляя ее в иную направленность, иначе представление о ней разрушается. Само чувство разрушается в самолюбовании его полновесной красотой. Произведения Т.Манна, его речи, письма служат тому, чтобы нарцисс добился любви всего мира и признания в мире. Его труд является искуплением за нарциссическое высокомерие. С точки зрения психоанализа, это самоосвобождение и акт примирения, так как самореализация только тогда оправдана, когда она служит целям общества.

Все, что окружает Круля, достойно его любви, так как все имеет для него одинаковую ценность. Его собственная телесность и качества характера находятся на том же уровне на шкале ценностей, где все Другое и все Другие потому, что эти конструкты формируют его собственное «Я». Они выполняют одну и ту же функцию и функционально равны его «Я», так как не будь образа рассказчика, не было бы и текста романа. Все это – категории одного достоинства, образующие многочисленные перспективы и метаперспективы.

²⁸ По мнению немецких исследователей, являются лишь жертвами на его пути (мисс Твентимен, барон Кильмарнок): „Die Personen [...] sind Opfer, Leichen auf dem Weg, über die Krul hinwegschreitet (Twentyman, Kilmarnock).

“Всесимпатия” символически определяет его отношение к миру. Это отношение может быть понято конкретно-социально (если остаться на уровне самого рассказчика) или как эстетический феномен возможности функционального построения текста (с точки зрения эстетической деятельности автора), или же как непрерывность в развитии и становлении историко-культурной традиции, диалога с другими культурами и эпохами (с точки зрения дискурсивных отношений, выстраиваемых автором). Постоянная связь с литературной традицией – это стратегия, необходимая для жизни и творчества. Благодаря ей возможен аналитический процесс сокрытия и проявления себя, процесс, скрывающий и выявляющий в чужом собственное свое. Так что в приемах цитирования и в реминисценциях во всем своем творчестве Томас Манн показывает, что его фантазия критически подходит к выработанным традицией образцам и перелагает их.

Понятие “нарциссизма” предполагает точку зрения, “что Я само заполнено либидо, являясь даже его первоначальным вместилищем и в определенной мере оставаясь его штаб-квартирой. Это нарциссическое либидо, направляясь на объекты, становится, таким образом, объектным либидо и может вновь превратиться в нарциссическое либидо” [19].

Точка зрения автора позволяет увидеть в произведение Томаса Манна поле напряжения между нарциссическим всеилием и бессилием. Само отношение Томаса Манна к себе как к художнику было амбивалентно, и это отразилось на образах всех художников в произведениях писателя большого и малого жанра. Оно простиралось от ненависти к себе до самовлюбленности, от самообвинения до самооправдания, и эти полюса достигали в своем противоборстве экстремально конфликтного состояния. “Признания авантюриста Феликса Круля” предстают как своего рода самоуничтожение и торжество по поводу себя.

Отношение Томаса Манна к реальности также определяется враждебностью и симпатией, это то бегство от мира, то влюбленность в мир. В момент нарциссического настроения вектор внимания направляется на себя, человек отшатывается от мира, пытается укрыться в самом себе. Но и здесь он не находит самодостаточности и счастливой гармонии, вместо этого – либо пустоту, либо наполненность другими. В нарциссическом страхе перед миром вырабатываются особые механизмы, служащие самозащите: к ним

относится ироническое отношение к окружающей среде, а вместе с тем, очевидно, и к себе. В постоянных колебаниях между доверием к миру и страхом перед ним, доверием к себе и неудовлетворенностью собой рождается представление о несерьезности и относительности как того, так и другого. Мир представляется иллюзией. И в то же время в моменты ощущения своего всемогущества, доверия к миру и власти над ним “нарцисса” Круля охватывает чувство безмерного счастья. Его произведение – это попытка справиться с миром посредством слова и, наоборот, оно произрастает из неукротимого желания наслаждаться миром, воспроизведенным в слове.

В нарциссе самовлюбленность, чувство всемогущества и любовь ко всему миру могут легко переходить в ненависть к себе, отчаяние, развращенность. Кроме этого, нарциссический отказ по отношению к ближнему и по отношению к обществу (эгоцентричность, ассоциальность) ведет к чувству вины, которое через служение, в случае художника – это его произведение, не может быть искуплено. В духе З.Фрейда об этих состояниях можно сказать следующее: принципиально всегда имеет место конфликт между нарциссическим чувством блаженства и эдиповым чувством вины. Внутри нарциссической конституции личности художника между собой ведут нещадную борьбу эротичное и геройское, влюбленность в мир и сопротивление ему, чувственность и мораль, жажда изменчивости и требование постоянства. Гестрионское существование и наслаждение от плодов своего творчества связаны с эротическим наслаждением, с другой стороны, – это протейское непостоянство, грозящее потерей идентичности. Оно связано и со страданием: страданием от иллюзорности собственного существования. Оно означает отсутствие тяжеловесного постоянства бытия, его иллюзорность, несвязанность моего Я с другими и с миром, отсутствие надежных отношений и неспособность к самореализации. Для “Признаний” принципиально важно, что произведение, возникающее из любви и страдания, должно быть чем-то большим, чем просто невротическое бегство из нарциссического бессилия в иллюзию всемогущества. Именно из осознания того, что это всемогущество иллюзионно, начинается восхождение к более высоким формам духа, к юмору и мудрости, которые ведут к триумфу над миром и самим собой.

Библиографический список

1. Kurzke, H. Thomas Mann. Das Leben las als Kunstwerk. Eine Biographie. München, 2000.
2. Wysling, H. Narzissmus und illusionäre Existenzform. Frankfurt / Main: Vittorio Klostermann. 2. Aufl. 1995. (1. Aufl. 1990).
3. Виттель, Фриц. Фрейд, его личность, учение и школа. Л., Эго. 1991. С. 155.
4. Freud, S. Einführung zum Narzissmus. ?èð. ï: Âèððâëü, Ôðèö. Ôðâéä, äâï èð÷íñòü, ó÷âíèà è øèîèà. Ñ. 159.
5. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого “я” // По ту сторону принципа удовольствия. М., 2001.
6. Wysling, Hans: Krull als Narziss und Prospero // Text und Kontext 6.1./6.2., 1978. S. 275-299.
7. Renner, R.G. Lebens-Werk. Zum inneren Zusammenhang der Texte von Thomas Mann. Frankfurt / Main, 1985.
8. Mann, Thomas: Notitzbücher // Hans Wysling: Narzissmus und illusionäre Existenzform. S.393 .
9. Mann, Th. Notitzbücher und Briefe // H. Wysling: Narzissmus und illusionäre Existenzform. Kapitel: Dokumentation. S. 386–554.
10. Овидий. Метаморфозы. Стих 405./ Античная литература. Рим. М., 1981. С.394.
11. Nietzsche, F. Menschliches Allzumenschliches I. // F.Nietzsche. Gesamtausgabe in 7 Bänden. Band 3. Leipzig, 1919.
12. Schopenhauer, A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Gesamtausgabe in 2 Bänden. Stuttgart, 1987.
13. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Ростов н/Д, 1997.
14. Mann, Thomas. Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. 1984.
15. Goethe, J.W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. Gesamtausgabe in 14 Bänden. Hamburg., 1998. Bd. 9. S.10.
16. Baumgärtel, Bettina. Das perspektivierte Ich. Würzburg: Königshausen @ Neumann., 2000. S.14.
17. Mann, Thomas: Lotte in Weimar. S.253.
18. Fritzen, Werner: Thomas Mann: Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull. Oldenburg Interpretationen. Band 25. München.1988, S.46: „Die Welt tut vielmehr alles um Krulls Selbstliebe zu betärken. Als Geliebter, nicht als Liebender (vrg. 245) genießt er die Gefühlsfreiheit der Selbstgenügsamkeit“
19. Фрейд З. Неудобства культуры // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 324.